

ДИСКУССИЯ

ЭТНОС POST-MORTEM: СОВЕТСКИЕ ТЕОРИИ ЭТНОСА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

Д.В. Верховцев

Дмитрий Владимирович Верховцев | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | научный сотрудник | Институт этнологии и антропологии РАН (Ленинский пр. 32а, Москва, 119991, Россия)

Ключевые слова

этнос, история российской антропологии, теория этноса, Ю.В. Бромлей, Л.Н. Гумилёв, этничность

Аннотация

Понятие “этнос” и связанные с ним теории этничности уже три десятилетия подвергаются массивной критике и не входят в основной инструментарий российских этнологов и антропологов. Они критикуются за понимание природы этничности в примордиалистском и эссенциалистском ключе, за пренебрежение ее когнитивной составляющей. Однако, несмотря на критику в материнской для них дисциплине, эти теории увеличивают свое влияние весь постсоветский период, растут частота упоминания этноса в научной и массовой литературе и количество цитирований Ю.В. Бромлея и Л.Н. Гумилёва. Этнос упоминается в законодательстве, присутствует в речах первых лиц государства; большинство учебников по этнологии и антропологии для студентов вузов описывает этничность в русле этнос-теорий, а за последнее десятилетие этнос проник и в школьное образование. На этом фоне судьба этноса как понятия не кажется предрешенной: он прочно стоит на ногах благодаря поддержке государственных институтов, политических идеологий и растущей популярности научных направлений, биологизирующих этничность.

Информация о финансовой поддержке

Российский научный фонд, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [проект № 22-18-00241]

Наблюдение за российскими антропологическими (этнологическими) публикациями последних 30 лет может создать впечатление, что термин “этнос” и связанные с ним теории медленно, но верно покидают это дисциплинарное поле. Времена расцвета теоретизирования понятия “этнос” (1910–20-е, 1960–70-е годы) (Алымов 2017: 140) давно прошли и, кажется, уже не вернуться. Вряд ли кому-то из исследователей эта ситуация представится неожиданной, ведь смена парадигм в отечественной этнологии была провозглашена еще на рубеже 1980–1990-х (что совпало и с политическими переменами), после чего полтора десятилетия гремели дискуссии в журнале “Этнографическое обо-

Статья поступила 14.12.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 04.02.2022
Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (Chicago Manual of Style, Author-Date):

Верховцев Д.В. Этнос post-mortem: советские теории этноса в современном русскоязычном дискурсе // Этнографическое обозрение. 2022. № 6. С. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069>
EDN: MRIOUL

Verkhovtsev, D.V. 2022. Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazыchnom diskurse [Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069> EDN: MRIOUL

зрение” и были предприняты попытки перезагрузить концепцию этноса (Винер 2005; Рыбаков 2001). Уже в 2010-х эта тема почти не обсуждалась.

Академик В.А. Тишков начал критику советских теорий этноса еще в конце 1980-х, а в 2003 г. выпустил программную монографию с говорящим названием “Реквием по этносу” (Тишков 2003), а также развил свои критические идеи в других работах. В 2016 г. он выпустил статью, в которой подвел итог смене парадигм в этнологии, утверждая, что “обновление теоретико-методологических основ нашей дисциплины (этнологии) прошло в целом успешно”, “этнос ушел из языка этнологов, за исключением некоторой части исследователей и вузовских преподавателей, которые не следят за современными тенденциями” (Тишков 2016: 6). Этнос, по мнению автора, задержался только в текстах смежных дисциплин, таких как археология, философия, политология, а особенно в культурологии и психологии. Там построения ключевых теоретиков этноса – академика Юлиана Бромлея и Льва Гумилёва – еще распространены. Но в целом, заключает В.А. Тишков, междисциплинарные мосты позволят преодолеть недостатки устаревших теорий. В статье 2020 г. тот же автор пишет, что одна из главных трансформаций отечественной этнологии и антропологии связана с тем, что «ушла в прошлое “большая теория” – так называемая теория этноса, а вместе с ней и сводимость дисциплины исключительно к изучению этничности» (Тишков 2020: 79). Складывается впечатление, что активный период функционирования советских теорий этноса давно завершился, а последние центры их распространения постепенно угасают.

Однако, несмотря на почти повсеместный отказ от этноса в антропологии/этнологии, лоно которой породило эту концепцию, публичный дискурс всячески оспаривает своевременность сыгранного по этносу реквиема и перехватывает у ученых инициативу в употреблении термина. Этнос слышится в популярных лекциях, в речах российских политиков и чиновников, со страниц прессы и популярной литературы. Да и науку этнос, в действительности, отнюдь не покинул, и частота его упоминания в научных статьях позволяет усомниться, остатки ли это его былого доминирования или новый восходящий тренд, пока не распознанный? Именно на этот вопрос мы и попытаемся ответить: что происходило с концепцией этноса после утраты ею официального статуса в этнологии, была ли она до конца побеждена, насколько распространена в настоящее время, а главное – какие факторы повлияли на сложившееся положение.

За что пострадал этнос?

Прежде чем мы обратимся к поиску этноса в сегодняшнем научном и публичном дискурсе, разберемся, почему вообще зашла речь о необходимости отпеть этнос и прекратить обращение к этой концепции, откуда она взялась и какие ее основные черты.

В качестве основной линии возникновения концепции С.С. Алымов указывает на представления об этничности, бытовавшие среди приверженцев петербургской антропологической школы второй половины XIX в. (Э.Ю. Петри, Д.А. Коропчевский), а также на воззрения следующего поколения петербургских антропологов Ф.К. Волкова и его учеников в первые десятилетия XX в. (Алымов 2017). Подход петербургской школы характеризовался рассмотрением этнических явлений в связи с адаптацией к географическим условиям, важной их частью признавались расовые особенности, а антропология и этнография относились к естественнонаучным дисциплинам. К 1902 г. ученик Волкова Н.Н. Могиланский предложил считать основным предметом изучения этнографии этнос, он же впервые начал употреблять этот термин; по мнению Алымова, это предложение родилось из дискуссий и размышлений в среде петербургских

антропологов, плотного научного сообщества, сложившегося к этому времени (Там же: 141). Из той же среды вышел и С.М. Широкогоров, автор первой развернутой теории этноса, основанной на его собственных полевых исследованиях Дальнего Востока (Там же: 155).

Теорию С.М. Широкогорова чаще всего относят к социобиологическим теориям, ее биологизм выступает главным объектом критики и анализа. Работы ученого полны биологических метафор, этносы зачастую сравниваются с видами животных, и их отношения представляются в виде борьбы видов за существование (Ушакин 2005: 239–240). В то же время, некоторые комментаторы считают, что “биологическая часть” учения С.М. Широкогорова не является основной и зачастую плохо проработана и слабо аргументирована (Филиппов 2005: 45; Кузнецов 2006: 65). Взгляды исследователя несколько разнятся в ранних и поздних его работах, и если изначально этнос определялся по общему языку, обычаям, укладу жизни, а также верой в общее происхождение, то позднее к этому определению добавилась эндогамия, а также описание этноса как процесса и набора отношений приспособления (Там же: 59–60). Несмотря на то, что широкогоровский этнос имел и субъективные характеристики, связанные с самосознанием, его связь с антропологическим типом и примордиальными культурными чертами была достаточно прочной, что, скорее всего, оказало значительное влияние на позднейшую эволюцию представлений об этносе. Это влияние по-разному оценивается разными авторами: по наиболее радикальной оценке В.Р. Филиппова, значительная часть теоретических положений Бромлея и Гумилёва были напрямую заимствованы из работ С.М. Широкогорова, причем при умолчании (Бромлей)¹ или прямом отрицании (Гумилёв) этих связей (Филиппов 2005).

Почти все видные антропологи, имевшие отношение к разработке концепции этноса, либо не пережили революцию, либо оказались в эмиграции; этнос не был забыт, но оставался на периферийных ролях в дискуссиях 1920-х годов. Причиной его непопулярности в это время была национальная политика большевиков, которая выражалась в коренизации (поддержке местных национальных культур и национальных кадров), а также в объявлении русского национализма (“великодержавного шовинизма”) главной опасностью, в отличие от “малых” национализмов других народностей страны (Мартин 2011: 17–19). Примордиальные концепции чаще всего востребованы именно националистическими идеологиями (Калхун 2006: 76), и в эпоху угнетения русского национализма также пребывали в упадке. В ходе марксистского наступления на этнографию на совещаниях 1929 и 1932 гг. этнос был объявлен буржуазным понятием, несовместимым с марксизмом, а саму дисциплину отправили в “нокдаун”, отведя роль лишь “первой главы в учебнике истории” (Слэзкин 1993: 119). Благоприятные условия для восстановления позиций этноса в СССР возникли в 1930-е, когда в ходе “великого отступления” постепенно реабилитировался русский дореволюционный национализм и его исторические мифы. Благодаря вниманию к жанру этногенеза этнос снова стал проникать в работы этнографов, но понадобилось еще два десятилетия, чтобы они отважились продолжить развитие этнос-теорий.

Эта работа активизировалась в конце 1960-х годов: главная и официальная теория этноса создавалась под руководством молодого директора Института этнографии Ю.В. Бромлея. Несмотря на корни, тянувшиеся к антропогеографии петербургской школы и воззрениям С.М. Широкогорова, новую теорию сложно было обвинить в биологизаторстве. Биологический примордиализм сменился культурным: в сформулированной парадигме, опиравшейся на установки марксизма-ленинизма, этнические явления считались укорененными прежде всего в культуре, связанной с базисом, а этническое самосознание индивида объявлялось зависимым от культуры и вторичным (Бромлей 1973: 110).

Биологический примордиализм сохранился в теории этноса Гумилёва, не имевшей признанного академического статуса, но быстро набравшей популярность. В ней этничность представлялась как производная от пассионарности – своего рода энергии, передающейся при рождении новым поколениям этноса. Таким образом, основные направления осмысления этничности, зарождавшиеся в СССР конца 1960-х, характеризовали этничность в эссенциалистском ключе, связывая ее с какими-то примордиальными (изначальными) и почти неизменными объективными признаками людей: языком, культурой, исторической судьбой (Бромлей) или стереотипом поведения, сложившимся под воздействием пассионарности (Гумилёв).

Ключевым моментом, объединяющим теории этноса Бромлея и Гумилёва, стало выделение особой этнической сферы, автономной от социальной реальности. Этнос отделялся от нации, которая объявлялась лишь высшей формой его развития; он оказывался “биогеографической данностью, своеобразным вертикальным природным стержнем, на который может быть нанизана история народа” (Ушакин 2005: 243). Этнос С.М. Широкогорова и петербургской антропологической школы пришелся ко двору советским ученым в 1960-е, имевшим или унаследовавшим от учителей травматический опыт разгрома этнографии и этноса в 1930-х годах. Тогда критика со стороны молодых марксистов, учеников академика Н.Я. Марра, привела к понижению статуса дисциплины до вспомогательной и репрессиям в отношении этнографов. Теория этноса позволяла отчасти восстановить утраченный самостоятельный статус этнографии и по сути являлась примером миметического сопротивления; опираясь на советский марксизм, хоть и в творческом его понимании, она отделяла этнос от нации и социально-экономических формаций и выводила объект этнографии – этнос – из-под догматических схем истмата (Верховцев, Петрашин 2021).

В англоязычной науке тогда также возрастал интерес к этничности, но фокус рассмотрения, напротив, смещался от примордиальных культурных черт изучаемых обществ к представлениям людей о своей этнической принадлежности. Последняя тенденция особенно ярко выразилась в сборнике “Этнические группы и социальные границы” с теоретическим предисловием Ф. Барта (Барт 2006). Сборник иногда связывают с зарождением конструктивистского подхода к этническим явлениям, в котором доминировало внимание не к объективным этническим признакам, доступным для наблюдения, а к работе сознания человека по идентификации себя и других, воображению своего сообщества, отношению к своей и соседним этническим группам. Конечно, в Советском Союзе тоже ощущали необходимость изучения когнитивных составляющих этничности, и после работ П.И. Кушнера (Кушнер 1949) этническое самосознание все чаще называлось одним из признаков этноса. Однако марксистский догмат о первичности базиса (с которым связана культура) по отношению к самосознанию и сопутствующие политические факторы не позволили Бромлею завершить когнитивный поворот, в полной мере реализовавшийся лишь на Западе. Самосознание было включено в определение этноса лишь как второстепенный этнический определитель, тогда как “объективные признаки” этноса сохранили статус первичных. Вопреки тенденциям мировой науки, советский этнос оформился как глубоко примордиальное явление, что вызывало критику даже со стороны советских ученых-марксистов в 1980-е годы (Алымов 2021: 76).

К 1980-м годам этнос оказался маргинальным явлением на фоне англоязычной мировой науки и воспринимался как фирменный “бренд” советской этнографии, войдя с ней в прочную ассоциацию за рубежом (Dragadze 1980). Помимо неспособности предсказать этнические конфликты в СССР времен перестройки, именно основанность на марксизме-ленинизме, мгновенно лишившемся статуса

метатеории после распада СССР, и отставание в изучении идентичности и вопросов ее конструирования стали основными пунктами критики советской теории этноса на рубеже 1980-х – 1990-х со стороны нового директора Института этнографии В.А. Тишкова, а также В.А. Шнирельмана и других этнографов. Смерть академика Ю.В. Бромлея в 1990 г., распад Советского Союза и начало смены парадигм в отечественной этнографии прочно закрепили за официальной теорией этноса определение “советская”. В 1992 г. умирает и автор альтернативной теории Л.Н. Гумилёв, среди учеников которого не нашлось столь же ярких продолжателей социобиологического направления. Творческий период развития этнос-теорий в целом был завершен и ограничен временем позднего СССР; единичные попытки развить и наполнить новым содержанием старые концепции, упомянутые в начале статьи, не нашли широкого отклика и не вызвали значительной дискуссии. Этнос застыл в форме, приданной ему харизматическими советскими теоретиками.

Таким образом, понятие “этнос” на протяжении всей своей истории оказалось прочно связано с эссенциалистскими и примордиалистскими воззрениями на этничность, которые можно назвать “этнос-мышлением”. Это понятие вводят Д. Андерсон, Д.В. Арзютов и С.С. Алымов. Они связывают его со следующими общими чертами, которые можно проследить на протяжении почти всех 150 лет бытования этнос-мышления в России: коллективная идентичность, общий (физ) антропологический тип и язык, сохраняемый набор традиций или “общность исторической судьбы”, а также общность мировоззрения, “народной психологии” или архетипа поведения (*Anderson, Arzyutov, Alymov 2019: 7*).

Казалось бы, как явление, неотрывно связанное с устаревшей идеологией, советской эпохой и представляющее маргинальный для мировой науки примордиализм, этнос должен был пасть под ударами критиков в первые же постсоветские годы. Однако он оказался гораздо крепче, чем взрастившая его советская идеология.

Этнос в русскоязычном дискурсе

Невидимый расцвет этнос-теорий. Действительно, оптимистическое представление о незавидной судьбе этноса будет подвержено серьезному испытанию, если мы обратимся к анализу литературных корпусов и библиометрических баз данных. Крупнейший интернет-ресурс “Google Books”, где проиндексирован огромный массив русскоязычных публикаций, позволяет отследить изменение частотности употребления любых слов и словосочетаний на протяжении какого-либо временного периода при помощи инструмента Google Books Ngram Viewer. Например, при рассмотрении таких терминов, как “этнос”, “этногенез”, “суперэтнос” и “субэтнос”, бывших неотъемлемой частью советского этнос-дискурса, обнаружится, что с середины 1980-х до середины 1990-х годов их использование в литературе непрерывно увеличивается, а после этого времени продолжает сохраняться высокая частота употребления, значительно превышающая показатели собственно советского времени (График 1)².

Этот рост во многом можно связать с легализацией в начале перестройки пассионарной теории, что прослеживается через график употребления термина “суперэтнос”, принадлежащий исключительно глоссарию Гумилёва. Уже во второй половине 1980-х его книги начали издавать, а в 1990-е – переиздавать огромными тиражами; вероятно, именно пассионарной теории, а не теории Бромлея, мы обязаны выходу этнос-терминологии за пределы научного дискурса в прессу и публицистическую литературу. Книги Гумилёва и сейчас популярны у массового читателя, их можно найти в любом книжном магазине, в отличие от научной литературы по антропологии; к этому вопросу мы еще вернёмся ниже, но их доминирование именно в научном этнос-дискурсе отнюдь не так очевидно.

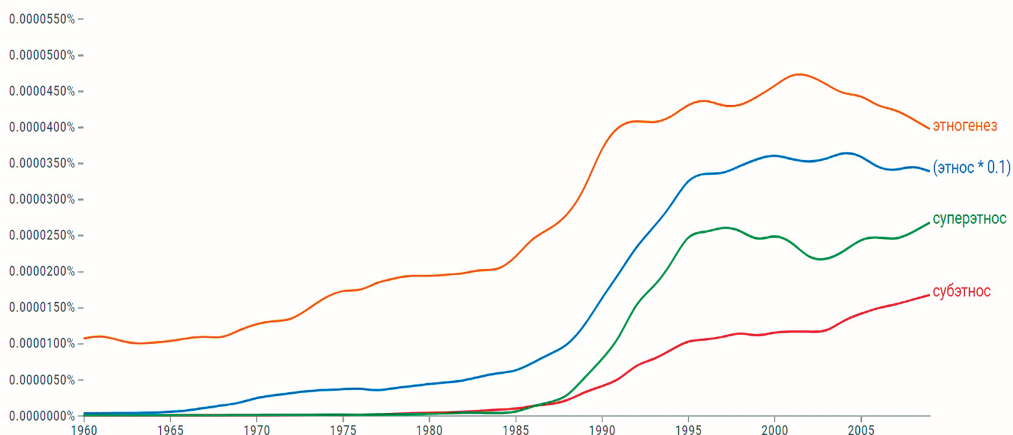

График 1. Частота использования этнос-терминов

Исследование языковых корпусов Google Books весьма продуктивно благодаря охвату огромного количества литературы разных жанров, но имеет свои ограничения. В 2009 г. темпы заполнения баз проекта серьезно упали, поэтому инструмент Ngram Viewer не включает в анализ данные, загруженные после 2008 г. Как же выяснить, сохранялся ли высокий уровень употребления этнос-терминологии в 2010-е годы? Для этого необходимо использовать другие источники: базы научного цитирования Google Scholar и РИНЦ, охватывающие данный период. Они включают исключительно научные работы, но, как правило, не содержат функции поиска по полным текстам статей (РИНЦ), или полные тексты представлены не во всех случаях (Google Scholar). Отчасти проследить тенденции можно и по информации о названиях научных работ, а также анно-

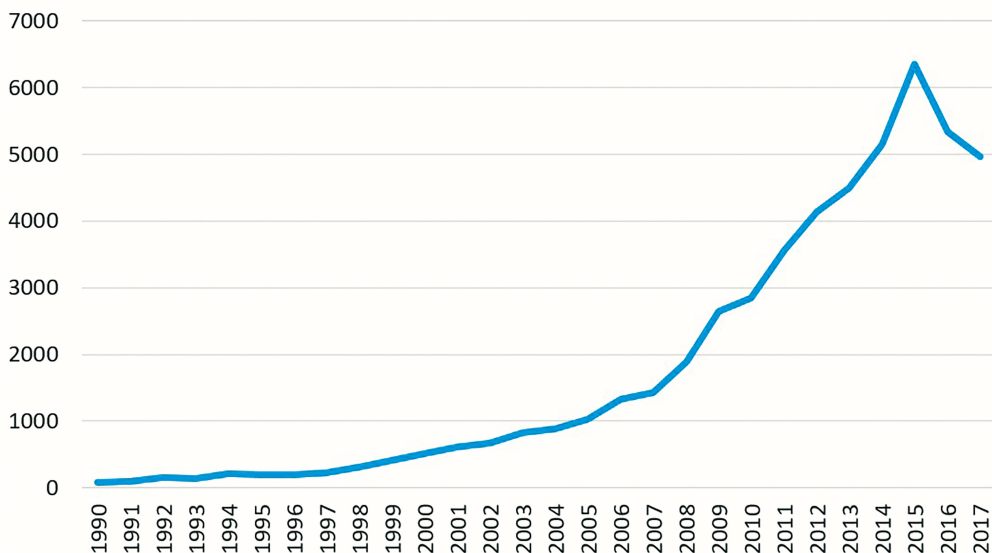

График 2. Упоминание термина “этнос” в научных текстах (Google Scholar)

тациям, ключевым словам и спискам цитируемой литературы (когда такие позиции имеются). На Графике 2 представлено распределение упоминаний термина “этнос” согласно данным Google Scholar за 1990–2017 гг.³

Безусловно, количество упоминаний – менее чувствительный параметр, чем частотность, выраженная в процентах работ от всего корпуса. Он не учитывает неравномерность увеличения количества источников, находящихся в базе, и рост количества упоминаний часто может означать численный рост базы, хотя процент работ, употребляющих термин, при этом в реальности не меняется. Кроме того, понятно, что электронные базы и корпуса не являются репрезентативными для всей совокупности русскоязычных или научных русскоязычных изданий. Процессы оцифровки и размещения в интернете электронных версий научных работ начались относительно недавно, и электронные базы растут значительно быстрее, чем общее число научных публикаций. При этом в первую очередь в сетевом доступе оказываются новые работы, тогда как электронные копии многих статей доцифровой эпохи могут никогда не попасть в мировую сеть. Как мы видим из графика, два с половиной десятилетия с 1990 по 2015 гг. демонстрируют экспоненциальный рост упоминаний этноса, хотя, по данным Google Books, экспоненциальный рост начала 1990-х уже в середине десятилетия сменяется плато.

Но при всех оговорках график упоминания этноса показывает важную роль этого термина в научных публикациях. Какие же работы определяют его популярность? Рассмотрим список антропологических (и близких к антропологии)

Таблица 1

<i>Автор</i>	<i>Публикация</i>	<i>Цитирования</i>
Гумилёв Л.Н.	Этногенез и биосфера Земли ⁴	7582
Леви-Строс К.	Структурная антропология	4698
Тэйлор Э.	Первобытная культура	3984
Бромлей Ю.В.	Очерки теории этноса	3511
Кон И.С.	Ребенок и общество	3501
Энгельс Ф.	Происхождение семьи, частной собственности и государства	3469
Фрэзер Д.	Золотая ветвь. Исследование магии и религии	2986
Лурье С.В.	Историческая этнология	2362
Байбурин А.К.	Ритуал в традиционной культуре	2319
Леви-Строс К.	Первобытное мышление	2280
Арутюнов С.А.	Народы и культуры: развитие и взаимодействие	2068
Тишков В.А.	Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии	1990
Толстой Н.И.	Язык и народная культура	1966
Токарев С.А.	Ранние формы религии и их развитие	1964
Тёрнер В.	Символ и ритуал	1947
Бромлей Ю.В.	Этнос и этнография	1823
Зеленин Д.К.	Восточнославянская этнография	1541

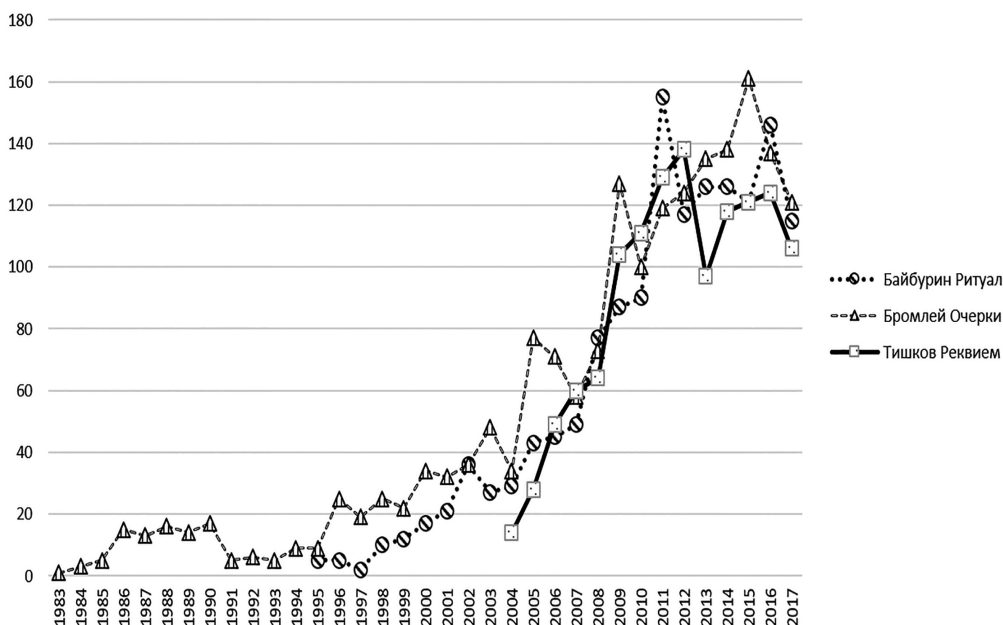

График 3. Цитируемость влиятельных русскоязычных антропологических работ по годам

публикаций на русском языке, имеющих максимальное количество цитирований в Google Scholar (см. Табл. 1); жирным шрифтом выделены отечественные авторы, действовавшие на этнографическо-антропологическом дисциплинарном поле. С большим отрывом его возглавляет монография “Этногенез и биосфера Земли” Гумилёва (Гумилёв 1990) – ключевая работа, целно формулирующая пассионарную теорию этногенеза, – оставляя позади даже книги западных антропологов, переведенные на русский язык. “Очерки теории этноса” Бромлея хоть и уступают в цитируемости переводным работам западных классиков, однако среди отечественных этнологов следуют сразу за работой Гумилёва. При этом в список попала еще одна работа Бромлея “Этнос и этнография”, которая в совокупности с “Очерками” позволяет академику несколько приблизиться к показателям Гумилёва.

То есть работы по теориям этноса продолжают оставаться в русскоязычной науке наиболее цитируемыми и в настоящее время. Причем при сравнении цитируемости “Очерков теории этноса” с двумя следующими по влиятельности работами антропологов (График 3) становится ясно, что высокое место этой монографии не связано с цитированием в советское или раннее постсоветское время. Популярность книг Ю.В. Бромлея, В.А. Тишкова и А.К. Байбурина в течении 2000–2010 гг. росла одинаковыми темпами, хотя их тематика (теория этноса, конструктивистский взгляд на этнологическую проблематику и семиотическое исследование обрядности соответственно) представляет различные направления и даже парадигмы исследования. Аналогичные тренды показывает и колебание числа упоминаний лидера нашего списка монографии “Этногенез и биосфера Земли”⁷⁵.

Итак, несмотря на репутацию этнос-теорий как принадлежащих к советской эпохе, их широчайшая инфильтрация в научный и массовый дискурсы произошла уже после распада СССР. Как кажется, данные корпуса русскоязычных тек-

Упоминания этноса на один журнал в базах

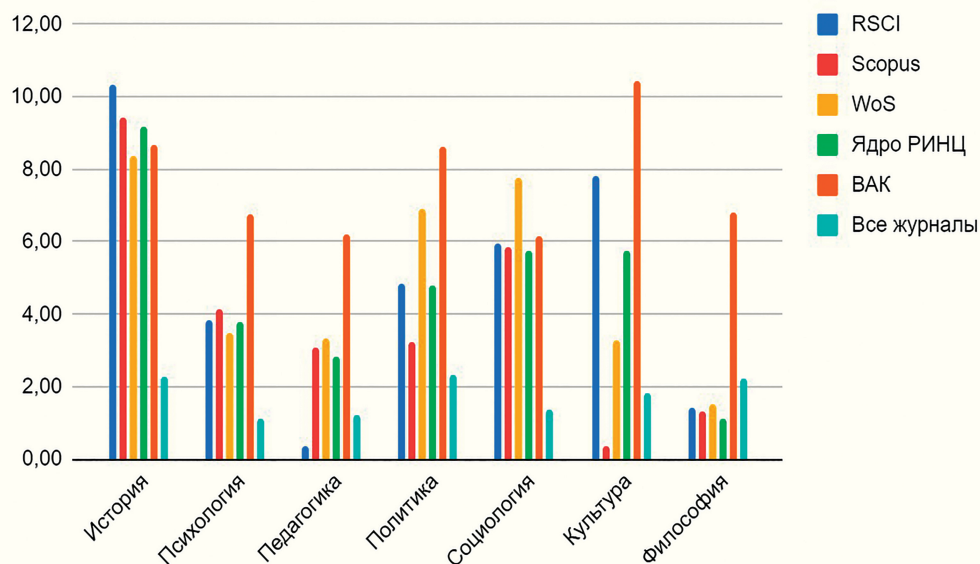

График 4. Упоминания этноса на один журнал в базах

стов Google Books достаточно хорошо высвечивают этот факт для двух первых постсоветских десятилетий; остается лишь сожалеть, что для 2010-х годов столь же представительный источник отсутствует. Однако по данным о цитировании русскоязычных научных работ в области антропологии можно судить о сохранении важной роли этнос-тематики и в этот период. Работы Бромлея и Гумилёва, по данным Google Scholar, все еще самые влиятельные среди работ отечественных этнологов/антропологов, и примерно столь же влиятельны, как переведенные на русский язык работы западных антропологов.

Где “укрылся” этнос? Приблизительно определить, какие именно дисциплины в наибольшей степени сохраняют приверженность этнос-терминологии, можно исходя из данных библиографической базы РИНЦ. В базе журналы имеют привязку к тематической рубрике, и поиск по соответствующим рубрикам дает результат, сколько раз в ней встречается публикация с термином “этнос”. Т. к. в каждой рубрике количество журналов варьируется, то имеет смысл соотносить количество упоминаний термина с этой величиной и получить количество статей с упоминанием этноса на один журнал в рубрике (кратко назовем полученное соотношение “коэффициент этноса”). Конечно, эта величина будет не так показательна, как частотность, определенная в Google Books Ngram Viewer, т. к. на нее влияет толщина журналов (количество статей в одном номере), но для инструментария базы РИНЦ показатель кажется наиболее предпочтительным. Мы ограничимся рассмотрением периода с 2000 по 2020 гг.

Итак, чаще всего этнос встречается в тематических рубриках “История”⁶⁷, “Социология”, “Политика”, “Культура”, “Психология”, “Педагогика” и “Философия”⁷⁷. Помимо дисциплинарной принадлежности, внутри рубрик можно сравнить и коэффициент этноса в различных базах цитирования, таких как перечень BAK, RSCI, ядро РИНЦ, WoS и Scopus. Результаты можно увидеть на Графике 4.

Предварительно считая, что “этнос” – уходящая терминология и ей должны пользоваться на дисциплинарной периферии, можно было бы предположить, что коэффициент этноса будет выше в русскоязычных базах с более легким входением (ВАК, RSCI, ядро РИНЦ) и меньше – в международных базах (WoS и Scopus). Однако эта гипотеза подтверждается не для всех дисциплинарных рубрик. Для истории и социологии во всех базах величина коэффициента внутри рубрики примерно одинакова, что показывает однородность распространения этнос-тематики по изданиям. В остальных дисциплинах явным чемпионом по коэффициенту этноса выступает список ВАК: по количеству включенных в него изданий он в десятки раз превышает количество журналов аналогичной тематики в других рассматриваемых базах. Можно констатировать, что в педагогике, психологии, философии и, вероятно, политических науках (политике) статьи с использованием этнос-терминологии реже появляются в топовых журналах, чем во всех остальных. В рубрике “Культура” ситуация не столь однозначна, тренд на маргинальное положение этнос-терминологии выражен слабо, особенно если учесть малое количество изданий этой рубрики в международных базах цитирования.

Остается вопрос, почему коэффициент этноса заметно ниже для всей совокупности журналов предметной рубрики, чем для совокупности изданий, входящих в базы и списки. Вероятно, дело здесь в том, что общая совокупность содержит также издания, попавшие в базу РИНЦ из-за цитирования, без полного текста и с минимальным описанием, что делает их невидимыми для текстового поиска.

Таким образом, анализ научных работ показывает, что в настоящее время термин “этнос” широко распространен в различных дисциплинарных дискурсах, и употребление этого термина отнюдь не имеет тенденции к сокращению. Логично предположить, что хотя крупные и популярные работы по теории этноса не появлялись уже три десятилетия, этнос-дискурс имеет какую-то иную подпитку, позволяющую сохранять и даже наращивать объем упоминаний этого термина. Быть может, этнос увеличивает свое влияние через образование?

Этнос в школьном и высшем образовании. Действительно, представления об этничности именно в примордиальной форме преподаются сейчас уже в средней школе, но началось это не так давно, с введением новой школьной дисциплины “обществознание”. Документы, регламентирующие ее преподавание, насыщены концепцией этноса по мере конкретизации содержания учебной программы. Если стандарт среднего образования 2012 г. не содержал каких-либо упоминаний этноса, культурной или национальной тематики (Стандарт 2012), то уже в “Примерной основной образовательной программе”, одобренной в 2015 г., в разделе “Социальная сфера жизни общества” предмета “Обществознание” в п. 2.2.2.6 прописана тема “Этнос и нация” (Программа 2015). «Концепция преподавания учебного предмета “Обществознание” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы», утвержденная Министерством просвещения в 2018 г., содержит упоминание этносов как единственное наименование этнических и национальных единиц (Концепция 2018).

Интересно, как реагировали на принятие стандартов авторы учебной литературы; мы можем проследить это на примере учебников по обществознанию разных лет, вышедших под общей редакцией Л.Н. Боголюбова. Еще в 2009 г. четвертое издание не содержало подробного раздела о нации и этнических явлениях, хотя упоминалось понятие “этнос” (Боголюбов и др. 2009). В 2014 г. уже был опубликован текст “Примерной основной образовательной программы”, утвержденный годом позже, что стало причиной значительной переработки восьмого издания учебника: в нем появились разделы, касающиеся нации, этноса, межэтнических отношений. Они имеют достаточно эклектичный вид и в конечном итоге постулируют примордиалистский взгляд на этничность, несмо-

тря на пространные цитаты из книги В.А. Тишкова, такой подход критикующей (Боголюбов и др. 2014: 99). Определение нации, данное в учебнике, представляет собой определение И.В. Сталина из работы “Марксизм и национальный вопрос” 1913 г. (Сталин 1946: 296), склеенное с определением этноса Бромлея (Бромлей 1973: 37). Особенно противоречиво выглядит абзац, объясняющий термин “вынужденная этническая идентичность”, введенный В.А. Тишковым. Хотя последний приводит термин для осуждения государственных процедур приписывания этнической принадлежности в СССР, авторы учебника, также на словах осуждая практики приписывания, фактически воспроизводят советский этнический прекриптивизм: по их мнению, выбор национальности индивида должен ограничиваться национальностями его родителей (Боголюбов и др. 2014: 82).

Выше речь шла об учебниках для профильного уровня. Учебник для базового уровня, выпущенный тем же коллективом авторов в 2017 г., менее подробный, и раздел о нации занимает в нем меньше места; особенно яркие несуразности, связанные с этничностью, туда не попали. Определение нации теперь утратило черты сходства с дефинициями этноса конкретных авторов, однако по-прежнему включало классическое сочетание элементов советской примордиалистской парадигмы – общность культуры, языка и осознание единства. При этом определение нации И.В. Сталина теперь скрылось за эвфемизмом “в начале XX века главными признаками нации считались...”, а добавления Бромлея в части важности самосознания, сформулированные в 1960-е годы, описываются как концептуальные инновации (Боголюбов и др. 2017: 165). Чтобы не создавалось впечатление, что этнический примордиализм вошел в школьную программу лишь в форме учения Бромлея, укажем на литературу, которая пересказывает школьникам и теорию Гумилёва. К примеру, в “Поурочных разработках” Е.Н. Сорокиной к учебнику Л.Н. Боголюбова в качестве дополнительного материала приводится определение этноса Гумилёва и предлагается сравнить его с определением из учебника (Сорокина 2013: 66–67). Естественно, что в программе единого государственного экзамена (ЕГЭ) также присутствуют вопросы про этнос.

Высшее образование этнос вовсе не покидал и существовал там весь постсоветский период, сохраняя преемственность с учебными программами советского времени, вот только теория Бромлея в это время часто дополнялась в учебных курсах теорией Гумилёва (Ямсков 2006). Нам известно 11 учебников по этнологии/антропологии, вышедших в последние десять лет (Козьмин, Бузин 2015; Чешко 2014; Козлова, Козлов 2022; Орлова 2016; Бажуков 2016; Октябрьская 2011; Тишков 2018; Титова 2017; Отюцкий 2018; Елисеев 2021; Борко 2020), при этом лишь 5 из них написаны этнологами/антропологами. В большинстве учебников освещение вопросов этничности делается с позиций этнос-теорий, кроме учебника под редакцией В.А. Тишкова и О.Ю. Артёмовой и учебников, не освещающих вопросы этничности вовсе: О.П. Елисеева и Т.И. Борко. Иногда можно услышать мнение, что этнос-теории более популярны за пределами столичных институтов, но учебники эту гипотезу не подтверждают: в основном они написаны исследователями из Москвы и Петербурга. Нельзя сказать также, что этнос скорее популярен среди неантропологов: из пяти “антропологических” учебников четыре (В.А. Козьмина и В.С. Бузина, С.В. Чешко, И.В. Октябрьской, Т.А. Титовой) освещают этничность в этнос-ключе. Удивительно, но учебник под редакцией В.А. Тишкова и О.Ю. Артёмовой, вышедший почти через три десятилетия после смерти академика Бромлея, можно назвать первым массовым учебником по этнологии/антропологии, не посвятившим этносу отдельный раздел.

В общем, сфера образования – серьезный плацдарм, с которого этнос расширяет свое влияние в массовом дискурсе, но ее содержание всегда в большей степени определяется политической сферой. А как обстоят дела с этносом там?

Этнос в политическом дискурсе. Хотя в советское время термин “этнос” не входил в глоссарий чиновников, и даже национальная политика обходилась обычной марксистской терминологией (Петренко 2006: 171–172), в дискурсе, порождаемом органами власти РФ, этнос уже упоминается достаточно часто, хотя и несистемно и без ссылок на теоретические работы. Мы рассмотрим формальный дискурс законодательств и постановлений и неформальный дискурс политической риторики (в основном в речах президента РФ В.В. Путина).

Одно из самых ранних упоминаний этноса в официальных документах, которое нам удалось найти, было в постановлении Президиума Верховного Совета РСФСР, где говорилось про “развитие немецкого этноса в СССР” (Постановление 1991). Этнос периодически упоминается в течение последующего десятилетия, занимая скорее маргинальное положение в глоссарии органов власти РФ. Наиболее важные документы, которые можно назвать: конституция Хакасии (принята в 1995 г.), где хакасы называются “коренным этносом” (Конституция 1995, ст. 60); закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации”, где этнос упоминается в определении понятия “этнологическая экспертиза” (Федеральный закон 1999); закон об организации общин коренных малочисленных народов (Федеральный закон 2000).

В XXI в. эта тенденция сохранялась, и употребление термина “этнос” в официальных документах несколько выросло. Официальный интернет-портал правовой информации Pravo.gov.ru выдает полсотни упоминаний, в частности в таких документах, как “Стратегия развития туризма” (Стратегия 2014), “Основы государственной молодежной политики” (Основы 2014), “Концепции демографической политики Дальнего Востока” (Концепция 2017) и других. В законодательстве этнос, конечно, не стал важным юридическим термином, однако относительно широко применяется как синоним более традиционных терминов “народ”, “национальность” и “народность”. Упоминания в документах обычно единичны и не позволяют судить о каком-то концептуальном дрейфе терминологии в сторону примордиализма или конструктивизма, тем более что “народ” и “народность” и без влияния “этноса” сами по себе термины, близко связанные с примордиалистским дискурсом.

Однако в неформальных жанрах этнос занимает гораздо более важное место. В 1990-е годы апроприировать пассионарную теорию этногенеза начали многочисленные российские движения националистического толка. Один из наиболее влиятельных оппозиционных политиков того времени, Г.А. Зюганов, под влиянием философа А.Г. Дугина во многом интегрировал учение Гумилёва в идеологию Коммунистической партии РФ. При этом, как пишет М. Бассин, понятие этноса стало у лидера коммунистов двигателем истории вместо традиционного марксистского класса (Bassin 2016: 221).

В.В. Путин, возглавляющий РФ уже более 20 лет, регулярно использует термин “этнос” в своих выступлениях, но кроме этого, он неоднократно и прямо ссылался на работы Гумилёва. Уже в первый год президентства, выступая в Евразийском национальном университете им. Льва Гумилёва в Астане, он называл его “великим евразийцем”, говорил, что “в России с особой теплотой чтят память Льва Николаевича Гумилёва” (Путин 2000). Через четыре года, выступая там же, президент утверждал, что “идеи Гумилёва овладевают сегодня массами”, и называл ученого “выдающимся русским мыслителем” (Путин 2004). М. Бассин проследил, как постепенно, вновь не без влияния философа А.Г. Дугина, в риторику В.В. Путина входило евразийство, часто сопровождавшееся упоминанием и “последнего евразийца” Гумилёва (Bassin 2016: 235–236).

Интересно, что в 2000-х годах Гумилёв упоминается В.В. Путиным чаще всего в связи с евразийством, а в 2010-х риторика смещается в сторону пасси-

онарной теории. Уже в 2012 г. в послании Федеральному собранию президент произнес:

Кто вырвется вперед, а кто останется аутсайдером и неизбежно потеряет свою самостоятельность, будет зависеть не только от экономического потенциала, но прежде всего от воли каждой нации, от ее внутренней энергии; как говорил Лев Гумилёв, от пассионарности, от способности к движению вперед и к переменам (*Путин* 2012).

М. Бассин описывает этот новый период как усиление роли евразийской идеологии в риторике российских государственных деятелей, в связи с подготовкой создания Евразийского экономического союза, что объясняет и обращение к другим идеям Гумилёва, связанным с пассионарностью и циклами этногенеза (*Bassin* 2016: 237–239).

В 2017 г., обращаясь к школьникам, президент РФ сообщил:

...если мы существуем больше 1000 лет и так активно развиваемся, и укрепляем себя, значит, что-то у нас есть такое, что этому способствует? Это “что-то” – это внутренний “ядерный реактор” нашего народа..., который позволяет двигаться вперед. Это некая пассионарность, о которой Гумилёв говорил, которая толкает нашу страну вперед (РИА 2017).

Наконец, совсем недавно, в феврале 2021 г., президент высказался прямо: “Я верю в пассионарность, в эту теорию пассионарности” (РИА 2021). Интересно, что в 2010-х обращение к теории пассионарности происходило тогда, когда нужно было подчеркнуть наличие у России скрытых сил и возможностей, не связанных с экономическим и политическим развитием российского общества и недоступных для экономического и иного анализа.

Хотя в законодательстве этнос не заменил традиционную национальную терминологию советского времени, однако упоминается там, что придает термину вполне официальный статус. В то же время присутствие в речах первого лица государства добавляет термину еще и престижность, причастность к государственно-патриотическому и патриотическому дискурсу. Что же влияет на формирование дискурсов, создающих этносу респектабельную репутацию и открывающих ему двери в образовательные программы?

Почему этнос жив?

Причин, по которым этнос все еще остается нормой в научных публикациях, множество, об этом написано достаточно. Общим местом является представление об упоминавшейся связи примордиализма и националистических идеологий, а также бытовом примордиализме или “феноменологическом переживании простых людей, что их нации всегда уже существуют” (*Калхун* 2006: 75). В этом смысле можно выделить следующие факторы устойчивости концепции этноса: 1) национальный, связанный с доминированием национально ориентированных дискурсов; 2) институциональный, связанный с функционированием институтов, рассматривающих и производящих этничность в эссенциалистско-примордиалистском ключе; и 3) интранаучный, связанный с влиянием тех или иных концепций на тексты про этничность.

Очень заманчиво выстроить эти причины устойчивости в однолинейную схему причинно-следственных связей: идеология формирует институты, и вместе они формируют повестку работ об этничности и нации. Однако ситуация здесь далеко не так однозначна, и в позднесоветский период все три фактора уже существовали, с разной силой поддерживая этнос-дискурсы. Чтобы предложить более сложную структуру отношений идеологических, институциональных и интранаучных факторов, рассмотрим их отдельно.

Пожалуй, самый очевидный фактор, влияние которого не спадало в течение всех 30 лет, прошедших после распада СССР – это институциональный. В постсоветский период РФ сохранила почти в неизменном виде систему национальных автономий, рассматривавшихся в качестве урезанных в своем суверенитете национальных государств; систему переписей населения и текущего учета национального состава; патерналистскую систему помощи и положительной дискриминации малочисленных коренных народов. Важность институционального фактора воспроизводства примордиального представления об этничности давно подчеркивается исследователями.

“Примордиализм как концепция уже стала фактом истории науки, а не ее работающей и используемой моделью”, – писал об этом С.В. Соколовский, но “в России примордиалистские взгляды на этничность будут, очевидно, преобладать до тех пор, пока не изменится институциональная среда ее производства” (Соколовский 2009: 102–103). Автор перечисляет институты, которые создавали и создают среду производства этничности в России: это этнофедерализм (административное деление и самоуправление по этническому признаку); структура этнической статистики, в том числе в переписях населения; языковая и образовательная политика, “привязавшая” язык к этнической идентичности (Там же: 102).

В.А. Тишков так же констатировал в недавней статье, что исследователям сложно противопоставить современные теории традиционным практикам примордиалистских институтов:

...главное препятствие на пути модернизации отечественной этнологии заключалось даже не в “допотопном примордиализме” и эволюционизме теории этноса, а в социально-политической действительности, основанной целиком на концепте этнонационального государствостроительства при существующем и верхушечно контролируемом этническом национализме... Здесь и сам исследователь оказывается перед искушением, выбирая между новыми теориями и доминирующей практикой (Тишков 2020: 74).

Институциональная база этнос-дискурса не вызывает вопросов, поэтому обратимся к действию других факторов. Очевидно, сохранение этноса в научной литературе 1990-х и 2000-х годов во многом определялось также влиянием советских этнос-теорий, причем если для официальной теории Бромлея это было остаточным влиянием, то для теории Гумилёва – главным периодом расширения влияния в различных дисциплинах и публичном дискурсе. Критика этноса начала 1990-х не привела к созданию в русскоязычной науке корпуса теоретических работ, предлагающих альтернативные взгляды на этничность, хотя бы потому, что такие работы уже были выпущены на Западе. Однако русскоязычная наука, оставаясь достаточно замкнутой в языковом смысле, мало обращалась к иноязычным источникам, а ключевые работы конструктивистского направления мысли начали переводиться на русский только в начале 2000-х годов; до этого времени советские теории этноса оставались самой доступной теоретической рамкой для работ, связанных с этничностью.

График 1 хорошо показывает взрывной рост частоты использования этнос-терминов в печатной литературе с конца 1980-х, продолжавшийся до середины 1990-х годов. За пределами этнографии, переименованной тогда в этнологию, этот рост был обеспечен прежде всего печатью работ Гумилёва и их многократными массовыми переизданиями. Ученый оказался фигурой, которой симпатизировали все разнородные слои постсоветского общества: либеральная интеллигенция сочувствовала трагической судьбе исследователя и его родителей, а собственные политические предпочтения Гумилёва скорее походили на взгляды консерваторов-националистов и находили у них поддержку (Bassin 2016: 181).

В этот период набирал силу и идеологический фактор, националистические нарративы вбирали в себя элементы теории пассионарности (Bassin 2012: 554–555).

В научном дискурсе учение Гумилёва также соперничало с цивилизационными подходами за место глобального метанарратива и в то же время сближалось с ними все теснее (*Ямсков* 2006). Один из кейсов рецепции советских теорий этноса в постсоветской России рассмотрел на примере алтайской социологической школы этновитализма С.А. Ушакин. Он показал, как вокруг этноса, эссенциализированного у Бромлея и откровенно биологизированного у Л.Н. Гумилёва, в 1990-е годы барнаульские ученые выстроили организмические метафоры “жизненных сил этноса”, через которые преодолевался травматический опыт социальных преобразований перестройки (*Ушакин* 2005).

Где-то на рубеже XX–XXI вв. в структуре поддержки этнос-дискурсов произошли изменения. Как показывает График 1, публичный дискурс к этому времени насытился этносом, частотность употребления термина во всей совокупности русскоязычных изданий стабилизировалась. Исследователи уже стали обращать внимание на изменения паттернов научной жизни начала второго тысячелетия, в частности в антропологии. Б.Е. Винер в своей периодизации истории постсоветской этнологии и антропологии делил ее на два периода: 1) 1992–2004 “Кризис надежд” и 2) 2005 – по настоящее время “Период тематической и теоретической диверсификации” (*Винер* 2020: 156–158). Примерно в первой половине 2000-х годов и можно обозначить водораздел, когда инерционное влияние советских теорий уменьшилось, выросло новое поколение исследователей, ученые все чаще брались за разработку тем, далеких от этничности. Сыграли свою роль и накопившаяся масса переводной литературы – работ Ф. Барта, Б. Андерсона, Э. Хобсбаума и др., – и выход влиятельной работы В.А. Тишкова “Реквием по этносу” (*Тишков* 2003), предлагавшей новые подходы к этничности, сформулированные в русле конструктивистских воззрений. Эти факторы, вероятно, поспособствовали прекращению роста влияния этнос-дискурса, однако не породили обратного тренда на снижение. Почему?

Уход этноса из языка породившей его дисциплины был компенсирован укреплением положения в глоссарии смежных дисциплин и ростом политического влияния примордиалистских взглядов на этничность. Евразийство, за последние десятилетия получившее сильную ассоциацию с именем Гумилёва, становилось неотъемлемой частью государственной идеологии, увлекая в этот дискурс и этнос в качестве термина пассионарной теории этногенеза. Вероятно, эти два процесса и объясняют появление этноса в программах школьного образования в конце 2010-х годов и сохранение высокой частотности его упоминания в публичном дискурсе.

Действуют и более частные причины, поддерживающие интерес к примордиалистским концепциям и как следствие – этносу. В.А. Тишков регулярно подвергает критике так наз. этногеномику, считая, что она ответственна за уравнивание этнического и генетического (*Тишков* 2013: 35). В то же время он отмечает большую популярность этногеномики в среде националистически и расистски настроенных деятелей. Здесь ученые, связанные с биологией по профилю своей деятельности (генетики), соприкасаясь с этничностью, рассматривают ее с биологических позиций, в чем находят понимание у националистически настроенной общественности. Две предрасположенности к примордиализму смыкаются и усиливают эффект.

Отдельные жанры исследования российских ученых – этногенез и этническая история – напрямую не были связаны с критикой советских теорий этноса, однако зиждились на примордиалистском подходе к пониманию этничности и стали своеобразными рефугиумами⁸ для теории этноса внутри российской антропологии. Еще в 2003 г. Т. Уяма писал о сохранении примордиалистского подхода к нациям и этничностям в российской науке: “советская... наука этногенеза

была настолько хорошо организована и оформлена, что преодоление ее наследия до сих пор представляется проблематичным” (Уяма 2003: 42–43). Одно из объяснений может состоять в том, что жанры исследования, тяготеющие к теориям этноса, оказываются более предпочтительными из-за экстранаучных причин, в частности связанных с политическим заказом на построение локальных национальных мифов, что проследил, например, В.А. Шнирельман (*Шнирельман* 2006). В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев отмечали, что на примордиализме строится современная идеология российских этнонациональных движений; сильна эта тема и в “дискуссионных выступлениях ученых-обществоведов из российских (национальных) республик” (*Тишков, Шабаев* 2011: 41). Локальный национальный миф требует создания локальной национальной истории, или, в терминах советской этнографии, этнической истории, для чего безальтернативной базой оказывается одна из примордиалистских этнос-теорий.

Судя по всему, этнос всерьез и надолго закрепился как в публичном, так и в научном русскоязычном дискурсе, чему способствовал целый комплекс причин. Выдержав атаку со стороны ведущих этнологов в начале 1990-х, этнос в изводе Бромлея почти покинул российскую этнологию/антропологию, укрывшись лишь в рефугиуме “этногенеза и этнической истории”, однако в то же самое время этнос Гумилёва экспансивно распространялся в публичном (особенно политическом) дискурсе, не избегая и научного поля. Войдя в систему школьного образования в 2000-х и лишь незначительно потеряв позиции в высшем образовании, этнос продолжает влиять на подготовку научных кадров, усваивающих примордиалистские представления об этничности. Институты, основанные на таком понимании – система национальных автономий, демографического учета, патерналистской помощи коренным народам, – практически не были реформированы после распада СССР и продолжают функционировать в настоящее время. Публичный дискурс сохранил в себе этнос прежде всего благодаря расцвету националистической идеологии, сначала в среде оппозиции (1990-е годы), а затем и на официальном уровне. Этнос-институты, этнос-идеология и этнос-наука на протяжении последних 30 лет взаимно поддерживают друг друга в сохранении актуальности этнос-теорий, и хотя их усилий оказалось недостаточно, чтобы вывести примордиализм из маргинальных позиций в российской науке, однако сложно представить, что без каких-то перемен в области идеологии и реформ государственных институтов присутствие этнос-теории в науке сойдет на нет или хотя бы начнет снижаться.

Думается, что в описанной ситуации достаточно много молодых ученых из различных дисциплин, слушавших в ВУЗах лекции об этносе и часто не имеющих доступа к актуальной литературе по этничности (в основном написанной на английском языке), на вопрос Бруно Латура “где приземлиться?” ответят выбором консервативных этнос-теорий, символизирующих стабильность как самих этнических феноменов, так и линию опоры на национальную традицию в развитии отечественной науки. Это значит, что этнос, вероятно, еще долго будет встречаться в различных дискурсах, пережив не только своих создателей, но и научные похороны этнос-теорий.

Благодарности

Автор хотел бы поблагодарить участников антропологического кружка Н.В. Ссорина-Чайкова за ценные замечания и мысли, высказанные во время обсуждения черновика этой статьи, а также С.С. Петряшина за дружескую критику на разных стадиях работы над текстом.

Примечания

¹ На самом деле Бромлей в своих работах все-таки ссылается на Широкого-рова, признавая приоритет последнего в разработке теории этноса, но, действительно, не рассматривает их содержательно и не встраивает в генеалогию своих размышлений.

² В связи со значительно более высокой частотностью упоминаний основного термина “этнос”, его график уменьшен в 10 раз в целях наглядности сравнения.

³ Обзор упоминаний охватывает в основном постсоветский период из-за крайне малого (по данным базы) числа цитирований с термином “этнос” в более раннее время. Здесь и далее последним анализируемым годом будет 2017-й, т. к. наблюдается запаздывание индексирования в базе Google Scholar выложенных в интернет научных работ.

⁴ Жирным шрифтом выделены отечественные исследователи, позиционировавшие/позиционирующие себя как этнологи/антропологи.

⁵ Данные по монографии Л.Н. Гумилёва не были помещены на общий график для сохранения масштаба.

⁶ Полностью: “История. Исторические науки”. Мы будем давать сокращенные названия рубрик.

⁷ Журналы могут входить в несколько рубрик одновременно.

⁸ В экологии – участок местности, где определенные виды флоры и фауны сохраняются во время неблагоприятных климатических условий, чтобы вновь распространиться при наступлении оптимума.

Источники и материалы

Конституция 1995 – Конституция Республики Хакасия от 25 мая 1995 года. <https://docs.cntd.ru/document/804957110>

Концепция 2017 – Концепция демографического развития Дальнего Востока до 2025 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 20 июня 2017 года. <https://docs.cntd.ru/document/436744671>

Концепция 2018 – Концепция преподавания учебного предмета “Обществознание” в образовательных организациях Российской Федерации, реализующих основные общеобразовательные программы, утв. коллегией МинПрос 30.12.2018. <https://docs.edu.gov.ru/document/9906056a57059c4266eaa78bff1f0bbe/>

Основы 2014 – Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р. <https://docs.cntd.ru/document/420237592>

Постановление 1991 – Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 03.06.91 г. N 1360-I “О неотложных мерах по урегулированию проблем советских немцев на территории РСФСР”. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102011649&backlink=1&nd=102011206&rdk=1>

Программа 2015 – Примерная основная образовательная программа основного общего образования. Одобрена решением федерального учебно-методического объединения по общему образованию (протокол от 8 апреля 2015 г. № 1/15). https://fgosreestr.ru/пооп/%D0%BF%D0%BE%D0%BE%D0%BF_0%BE%D0%BE%D0%BE_06-02-2020

Путин 2000 – Путин В.В. Выступление на встрече с преподавателями и студентами Евразийского национального университета имени Льва Гумилева 10.10.2000. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21625> (дата обращения 01.05.2021).

- Путин 2004* – *Путин В.В.* Выступление на международном форуме “Евразийская интеграция: тенденции современного развития и вызовы глобализации”. 2004. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22510> (дата обращения 01.05.2021).
- Путин 2012* – *Путин В.В.* Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения 14.12.2021).
- Сталин И.В.* Сочинения. Т. 2. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946.
- РИА 2017* – Путин рассказал, благодаря чему развивается Россия // РИА Новости. <https://ria.ru/20170901/1501562854.html> (дата обращения 14.12.2021).
- РИА 2021* – Зачем Путин напомнил молодой нации о бесконечном генетическом коде // РИА Новости. <https://ria.ru/20210216/genokod-1597581674.html> (дата обращения 30.04.2021).
- Стратегия 2014* – Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2014 г. № 941-р. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102353142>
- Стандарт 2012* – Федеральный государственный образовательный стандарт среднего общего образования (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 17 мая 2012 г. N 413). <https://base.garant.ru/70188902/8ef641d3b80ff01d34be16ce9baf6e0/#friends>
- Федеральный закон 1999* – Федеральный закон “О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации” от 30.04.1999 N 82-ФЗ. <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102059473>
- Федеральный закон 2000* – Федеральный закон “Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации” от 20.07.2000 N 104-ФЗ. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27908/

Научная литература

- Альмов С.С.* У истоков теории этноса: Н.М. Могиланский и петербургская антропология конца XIX – нач. XX вв. // Три века российской этнографии. Страницы истории / Отв. ред. А.А. Сирина. М.: ИЭА РАН, 2017. С. 140–160.
- Альмов С.С.* Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза “национального вопроса” в период перестройки // Шаги / Steps. 2021. Т. 7. № 2. С. 70–92. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92>
- Бажуков В.И.* Социальная и культурная антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2016.
- Барт Ф.* Введение // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий / Под ред. Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006.
- Борко Т.И.* Культурная антропология: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020.
- Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
- Верховцев Д.В., Петряшин С.С.* Теории этноса vs марксизм: история миметического сопротивления // Кунсткамера. 2021. № 1 (11). С. 88–104. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1\(11\)-88-104](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104)
- Винер Б.Е.* Постмодернистский конструктивизм в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. 8. № 3. С. 114–130.
- Винер Б.Е.* Институциональная история российской этнологии. Краткий обзор //

- Этнографическое обозрение. 2020. № 4. С. 150–166. <https://doi.org/10.31857/S086954150010839-2>
- Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. Л.: Гидрометеиздат, 1990.
- Елисеев О.П. Культурно-историческая антропология. М.: Издательство Юрайт, 2021.
- Боголюбов Л.Н. и др. (ред.) Обществознание. 11 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень. М.: Просвещение, 2009.
- Боголюбов Л.Н. и др. (ред.) Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: профил. уровень. М.: Просвещение, 2014.
- Боголюбов Л.Н. и др. (ред.) Обществознание. 11 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: базовый уровень. М.: Просвещение, 2017.
- Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом “Территория будущего”, 2006.
- Козлова М.А., Козлов А.И. Антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2022.
- Козьмин В.А., В.С. Бузин (ред.). Этнология (этнография): учебник для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2015.
- Кузнецов А.М. Теория этноса С.М. Широкогорова // Этнографическое обозрение. 2006. № 3. С. 57–71.
- Куршнер П.И. Национальное самосознание как этнический определитель // Краткие сообщения института этнографии. VIII. 1949. С. 3–9.
- Мартин Т. Империя “положительной деятельности”. Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Фонд “Президентский центр Б. Н. Ельцина”, 2011.
- Октябрьская И.В. Основы этнологии. Учебник. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2011.
- Орлова Э.А. Социальная и культурная антропология: учебник и практикум для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2016.
- Отюцкий Г.П. Социальная антропология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Издательство Юрайт, 2018.
- Петренко С.П. К вопросу о терминах “этнос” и “этническая общность” // Известия Таганрогского института А.П. Чехова. 2006. № 2. С. 170–174.
- Рыбаков С.Е. Теоретико-методологические основы исследования этнических феноменов. Дисс. ... докт. филос. наук. Московский государственный университет, Москва, 2001.
- Слёзкин Ю.Л. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 113–125.
- Соколовский С.В. Антропологическое знание в правовом и политическом дискурсах. Дисс. ... докт. ист. наук. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, 2009.
- Сорокина Е.Н. Поурочные разработки по обществознанию. Профильный уровень: 11 класс. М.: ВАКО, 2013.
- Титова Т.А. Этнология. Казань: Издательство Казанского университета, 2017.
- Тишков В.А. Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М.: Наука, 2013.
- Тишков В.А. От этноса к этничности и после // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 5–22.
- Тишков В.А. Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Этнографическое обозрение. 2020. № 2. С. 72–92.
- Тишков В.А., Шабаетов Ю.П. Этнополитология: политические функции этничности: Учебник для вузов. М.: Издательство Московского университета, 2011.

- Тишков В.А. (отв. ред.) Антропология и этнология: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: “КДУ”, “Университетская книга”, 2018.
- Ушакин С.А. Жизненные силы русской традиции: о постсоветских теориях этноса // *Ab Imperio*. 2005. № 4. С. 233–277.
- Уяма Т. От “булгаризма” через “марризм” к националистическим мифам: курсы о татарском, чувашском и башкирском этногенезе // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона / Науч. ред. К. Мацузато. Саппоро: Центр славянских исследований, Университет Хоккайдо. 2003.
- Филиппов В.Р. “Теория этноса” С.М. Широкогорова // *Этнопанорама*. 2005. № 3–4. С. 43–52.
- Чешко С.В. Этнология и социальная антропология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки “История”. М.: Академия, 2014.
- Шнирельман В.А. Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006.
- Шнирельман В.А. Этногенез и идентичность: националистические мифологии в современной России // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 4. С. 3–13.
- Ямсков А.Н. “Новые классики”: Л.Н. Гумилев и С. Хантингтон в образовательных программах // Этнология обществу. Прикладные исследования в этнологии / Отв. ред. С.В. Чешко. М.: изд. “Оргсервис-2000”, 2006. С. 176–199.
- Anderson D.G., Arzyutov D.V., Alymov S.S. Grounding Ethnos Theory: An Introduction // *Life Histories of Ethnos Theory in Russia and Beyond* / Eds. D.G. Anderson, D.V. Arzyutov, and S.S. Alymov. Cambridge, UK: Open Book Publishers, 2019.
- Bassin M. National Metanarratives after Communism: An Introduction // *Eurasian Geography and Economics*. 2012. Vol. 53. No. 5. P. 553–556.
- Bassin M. The Gumilev Mystique: Biopolitics, Eurasianism, and the Construction of Community in Modern Russia. NY: Cornell University Press, 2016.
- Dragadze T. The place of ‘ethnos’ theory in Soviet anthropology // *Soviet and Western Anthropology* / Ed. E. Gellner. New York Chichester, West Sussex: Columbia University Press, 1980. P. 161–170.

Research Article

Verkhovtsev, D.V. Ethnos Post-Mortem: Soviet Theories of Ethnos in Present Day Russian-Language Discourses [Etnos post-mortem: sovetskie teorii etnosa v sovremennom russkoiazychnom diskurse]. *Ethnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 6, pp. 79–101. <https://doi.org/10.31857/S0869541522060069> EDN: MRIOUL ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Dmitry Verkhovtsev | <http://orcid.org/0000-0001-9232-2952> | dverhovtcev@gmail.com | Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (32a Leninsky prospect, Moscow, 119991, Russia)

Keywords

theory of ethnos, ethnos, ethnicity, history of Russian anthropology, Yulian Bromley, Lev Gumilev

Abstract

The notion of ethnos (*etnos* in Russian) and derivative or related theories of ethnicity have by and large fallen out of use among Russian ethnologists and anthropologists

over the last three decades, having become an object of wide-ranging criticism. They have been criticized both for the inflexible explanation of ethnicity in a primordial or essentialist key and for the neglect of its cognitive aspects. Yet it is striking that, despite the critique within the anthropological community, they have been simultaneously and steadily gaining weight and influence outside it. Indeed, during the post-Soviet period, the appearance of the word *ethnos*, as well as citations from authors like Yulian Bromley or Lev Gumilev, became ever more frequent in non-academic sources and non-anthropological academic literature. This word came to law-making and entered speeches of highest government officials. There emerged a plethora of college – lately, even school – textbooks carrying texts that routinely explained ethnicity in terms of theories of ethnos. Considered against this backdrop, the destiny of the notion of ethnos suddenly does not seem so dismal as it keeps thriving owing to the support of state institutions, political ideologies, and new scholarly approaches biologizing ethnicity.

Funding Information

This research was supported by the following institutions and grants:

Russian Science Foundation, <https://doi.org/10.13039/501100006769> [grant no. 22-18-00241]

References

- Alymov, S.S. 2017. U istokov teorii etnosa: N.M. Mogilianskii i peterburgskaia antropologiya kontsa XIX – nach. XX vv. [At the Origins of the Theory of Ethnos: N.M. Mogilyansky and St. Petersburg Anthropology of the Late XX – Early XX Centuries]. In *Tri veka rossiiskoi etnografii. Stranitsy istorii* [Three Centuries of Russian Ethnography. Pages of History], edited by A.A. Sirina, 140–160. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Alymov, S.S. 2021. Zabyvaia etnos i natsii: etnograficheskie diskussii i ekspertiza “natsional’nogo voprosa” v period perestroiki [Forgetting Ethnicity and Nation: Ethnographic Discussions and Expertise of the “National Question” during the Perestroika Period]. In *Shagi / Steps* 7 (2): 70–92. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92>
- Barth, F. 2006. Vvedenie [Introduction]. In *Etnicheskie gruppy i sotsial’nye granitsy. Sotsial’naya organizatsiia kul’turnykh razlichii* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference], edited by F. Barth, 9–48. Moscow: Novoe izdatel’svo.
- Bazhukov, V.I. 2016. *Sotsial’naya i kul’turnaya antropologiya: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Social and Cultural Anthropology: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow: Izdatel’svo Yurait.
- Borko, T.I. 2020. *Kul’turnaya antropologiya: uchebnik dlia vuzov* [Cultural Anthropology: a Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel’svo Yurait.
- Bromlei, Y.V. 1973. *Etnos i etnografiia* [Ethnos and Ethnography]. Moscow: Nauka.
- Verkhovtsev, D.V., and S.S. Petriashin. 2021. Teorii etnosa vs marksizm: istoriia mimiticheskogo soprotivleniia [Theories of Ethnos vs Marxism: the History of Mimetic Resistance]. *Kunstkamera* 1 (11): 88–104. [https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1\(11\)-88-104](https://doi.org/10.31250/2618-8619-2021-1(11)-88-104)
- Viner, B.E. 2005. Postmodernistskii konstruktivizm v Rossiiskoi etnologii [Postmodern Constructivism in Russian Ethnology]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial’noi antropologii* 8 (3): 114–130.
- Viner, B.E. 2020. Institutsional’naya istoriia rossiiskoi etnologii. Kratkii obzor [Institutional History of Russian Ethnology. Short Review]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 150–166.
- Gumilev, L.N. 1990. *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Leningrad: Gidrometeoizdat.

- Eliseev, O.P. 2021. *Kul'turno-istoricheskaiia antropologiiia* [Cultural-Historical Anthropology]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Bogoliubov, L.N., et al., eds. 2009. *Obshchestvoznaniie. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatelnykh uchrezhdenii: bazovyi uroven'* [Social Science. 11th Grade: Textbook for Educational Institutions: Basic Level]. Moscow: Prosveshchenie.
- Bogoliubov, L.N., et al., eds. 2014. *Obshchestvoznaniie. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatelnykh organizatsii: profilnyi uroven'* [Social Science. 11th Grade: Textbook, for General Education Organization: Profile Level]. Moscow: Prosveshchenie.
- Bogoliubov, L.N., et al., eds. 2017. *Obshchestvoznaniie. 11 klass: uchebnik dlia obshcheobrazovatelnykh organizatsii: bazovyi uroven'* [Social Science. 11th Grade: Textbook for Educational Institutions: Basic Level]. Moscow: Prosveshchenie.
- Calhoun, C. 2006. *Natsionalizm* [Nationalism]. Moscow: Izdatel'skii dom "Territoriiia budushchego".
- Cheshko, S.V. 2014. *Etnologiiia i sotsial'naia antropologiiia: uchebnoe posobie dlia studentov vysshikh uchebnykh zavedenii, obuchaiushchikhsia po napravleniiu podgotovki "Istoriia"* [Ethnology and Social Anthropology: a Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in the Direction of Preparation "History"]. Moscow: Akademiia.
- Kozlova, M.A.; Kozlov, A.I. 2018. *Antropologiiia: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Anthropology: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Koz'min, V.A., and V.S. Buzin, eds. 2015. *Etnologiiia (etnografiia): uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata* [Ethnology (Ethnography): a Textbook for Academic Undergraduate Studies]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Kuznetsov, A.M. 2006. Teoriia etnosa S.M. Shirokogorova [The Ethnos Theory of S.M. Shirokogorov]. *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 57–71.
- Kushner, P.I. 1949. Natsional'noe samosoznanie kak etnicheskii opredelitel' [National Self-Consciousness as Ethnic Characteristic]. *Kratkie soobshcheniia instituta etnografii* 8: 3–9.
- Martin, T. 2011. *Imperiia "polozhitel'noi deiatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939* [The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: Rossiiskaia politicheskaiia entsiklopediia (ROSSPEN), Fond "Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina".
- Oktiabr'skaia, I.V. 2011. *Osnovy etnologii. Uchebnik* [Basics of Ethnology. Textbook]. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennyi universitet.
- Orlova, E.A. 2016. *Sotsial'naia i kul'turnaia antropologiiia: uchebnik i praktikum dlia vuzov* [Social and Cultural Anthropology: Textbook and Workshop for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Otiutskii, G.P. 2018. *Sotsial'naia antropologiiia: uchebnik i praktikum dlia akademicheskogo bakalavriata* [Social Anthropology: Textbook and Workshop for Academic Bachelor's Degree]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait.
- Petrenko, S.P. 2006. K voprosu o terminakh "ethnos" i "etnicheskaiia obshechnost'" [On the Question of the Terms "Ethnos" and "Ethnic Community"]. *Izvestiia Taganroghskogo instituta A.P. Chekhova* 2: 170–174.
- Rybakov, S.E. 2001. *Teoretiko-metodologicheskie osnovy issledovaniia etnicheskikh fenomenov* [Theoretical and Methodological Foundations of the Study of Ethnic Phenomena]. PhD diss., Moscow State University.
- Slezkin, Y. L. 1993. Sovetskaia etnografiia v nokdaune: 1928–1938 [Soviet Ethnography knocked own: 1928–1938]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 113–125.
- Sokolovskii, S.V. 2009. *Antropologicheskoe znanie v pravovom i politicheskom diskursakh* [Anthropological Knowledge in Legal and Political Discourses].

- PhD diss., Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Science.
- Sorokina, E.N. 2013. *Pourochnye razrabotki po obshchestvoznaniuu. Profil'nyi uroven': II klass* [Lesson Development in Social Studies. Profile Level: Grade 11]. Moscow: VAKO.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekviev po etnosu: issledovaniia po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: Studies in Socio-Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2016. Ot etnosa k etnichnosti i posle [From Ethnos to Ethnicity and after]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 5–22.
- Tishkov, V.A. 2020. Otkuda i kuda prishla rossiiskaia etnologia: personal'nyi vzgliad v global'noi perspective [From where is Russian Ethnology and where is it going? A Personal View in Global Perspective]. *Etnograficheskoe obozrenie* 2: 72–92.
- Tishkov, V.A. 2013. *Rossiiskii narod: istoriia i smysl natsional'nogo samosoznaniia* [The Russian People: History and Meaning of National Identity]. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A., and Y.P. Shabaev. 2011. *Etnopolitologiia: politicheskie funktsii etnichnosti: Uchebnik dlia vuzov* [Ethnopolitical Science: Political Functions of Ethnicity: Textbook for Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Tishkov, V.A., ed. 2018. *Antropologiia i etnologiia: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Anthropology and Ethnology: a Textbook for Undergraduate and Graduate Studies]. Moscow: “KDU”, “Universitetskaia kniga”.
- Titova, T.A. 2017. *Etnologiia* [Ethnology]. Kazan': Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta.
- Oushakine, S.A. 2005. Zhiznennye sily russkoi tragedii: o postsovetских teoriakh etnosa [The Vital Forces of the Russian Tragedy: on the Post-Soviet Theories of the Ethnos]. *Ab Imperio* 4: 233–277.
- Ulama, T. 2003. Ot “bulgarizma” cherez “marrizm” k natsionalisticheskim mifam: diskursy o tatarskom, chuvashskom i bashkirskom etnogeneze [From “Bulgarism” through “Marrism” to Nationalist Myths: Discourses on the Tatar, Chuvash and Bashkir Ethnogenesis]. In *Novaia volna v izuchenii etnopoliticheskoi istorii Volgo-Ural'skogo regiona*, edited by K. Matsuzato, 16–51. Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University.
- Filippov, V.R. 2005. “Teoriia etnosa” S.M. Shirokogorova [The Ethnos Theory S.M. Shirokogorov]. *Etnopanorama* 3–4: 43–52.
- Shnirel'man, V.A. 2006. *Byt' alanami: intellektualy i politika na Severnom Kavkaze v XX veke* [Being Alans: Intellectuals and Politics in the North Caucasus in the 20th Century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Shnirel'man, V.A. 2003. Etnogenez i identichnost': natsionalisticheskie mifologii v sovremennoi Rossii [Ethnogenesis and Identity: Nationalist Mythologies in Modern Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 4: 3–13.
- Yamskov, A.N. 2006. “Novye klassiki” L.N. Gumilev i S. Khantington v obrazovatel'nykh programmakh [“New classics: L.N. Gumilev and S. Huntington in Educational Programs]. In *Etnologiia obshchestvu. Prikladnye issledovaniia v etnologii*, edited by S.V. Cheshko, 176–199. Moscow: Orgservis-2000.